

УДК 329.3	Содержание статьи	Информация о статье
DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-2-37-54	Введение Сущность экстремизма Классификация экстремизма	Поступила в редакцию: 26.12.2016. Передана на рецензию: 28.12.2016.
З.Г. Султанахмедова ¹	Специфика религиозного экстремизма Исламский экстремизм Заключение	Получена рецензия: 25.01.2017. Принята в номер: 24.03.2017.

Специфика исламского экстремизма

Дагестанский государственный университет; zalina_oh@mail.ru

В статье анализируются особенности исламского экстремизма как деструктивной формы социального радикализма. Представлена классификация форм экстремизма по нескольким критериям: социокультурная локализация, социальная сущность, социальная база, характер идеологии, организационная институализация. Данные критерии являются основой для характеристики общих признаков религиозного экстремизма и особенностей исламского экстремизма.

По своей социальной сущности исламский экстремизм оказывается острой, но вполне закономерной реакцией исламских стран геополитической периферии на геополитическое господство и геополитическую агрессию Запада, направленную на закрепление однополярного мира, где господствует «золотой миллиард». В России исламский экстремизм также является закономерной реакцией сопротивления буржуазно-либеральной трансформации традиционных обществ, происходящей в крайне резких, неоднозначных и деструктивных формах.

Идеология исламского экстремизма неоднородна. В каждом конкретном исламском социокультурном регионе формируется своя специфическая, учитывающая и отражающая местные особенности версия исламского экстремизма. Общими чертами исламской экстремистской идеологии являются ее опора на религиозный фундаментализм, акцентуация религиозной нетерпимости, джихадизм. Организационные формы исламского экстремизма многообразны: тоталитарные секты, мусульманские общины, учебные центры исламских экстремистов, экстремистские террористические организации, вплоть до Исламского государства (ДАИШ), запрещенного в России. Автор приходит к выводу, что борьба с экстремизмом должна быть направлена на устранение социально-экономических, политических и духовных причин радикализации ислама в мусульманских регионах России.

Ключевые слова: *экстремизм, фундаментализм, радикализм, исламский экстремизм, ваххабизм.*

UDC 329.3	The content of the article	Information about the article
DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-2-37-54	Introduction. The problem of extremism. Classification of extremism. The specificity of religious extremism. Islamic extremism. Conclusion.	Received: 26.12.2016. Submitted for review: 28.12.2016. Review received: 25.01.2017. Accepted for publication: 24.03.2017.
Z.G. Sultanakhmedova ²		

¹ *Залина Гаджитаевна Султанахмедова* – старший преподаватель кафедры философии и социально-политических наук, ДГУ.

² *Zalina Gajitaevna Sultanakhmedova* – senior lecturer at the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, DSU.

On the Specifics of Islamic Extremism

Dagestan State University; *zalina_oh@mail.ru*

The article analyzes the characteristics of Islamic extremism as a destructive form of social radicalism. The author presents a classification of forms of extremism by several criteria: sociocultural localization, social essence, social base, nature of ideology, organizational institutionalization. These criteria can be applied to religious extremism in general and to Islamic extremism, in particular.

In its social essence, Islamic extremism is a sharp, but a natural reaction of geopolitically peripheral Islamic countries to the geopolitical dominance and the geopolitical aggression of the West, aimed at consolidating a unipolar world dominated by the «golden billion». In Russia, Islamic extremism is also a natural reaction of resistance to the bourgeois-liberal transformation of traditional societies, occurring in extremely sharp, controversial and destructive forms.

The ideology of Islamic extremism is variegated. Each Islamic socio-cultural region has its own specific version of Islamic extremism reflecting local characteristics. A common feature of Islamic extremist ideology is its reliance on religious fundamentalism and accentuation of religious intolerance, jihadism. Organizational forms of Islamic extremism are varied: totalitarian sects, Muslim communities, educational centers of Islamic extremists, extremist terrorist organization, the Islamic State (ISIS), banned in Russia. The author concludes that an effective fight against extremism should be aimed at eliminating the fundamental social, economic, political and spiritual causes of Islamic radicalization in the Muslim regions of Russia.

Keywords: *extremism, fundamentalism, radicalism, Islamic extremism, Wahhabism.*

Введение

В современной отечественной и западной научной и публицистической литературе тема экстремизма занимает одно из центральных мест. Это является отражением ее практической актуальности в современном мире. Проблема экстремизма не случайно вошла в ряд глобальных, поскольку на планете почти нет стран, в которых в большей или меньшей степени не проявляли бы себя всевозможные экстремистские идеологии и соответствующие организации.

Исламский религиозный экстремизм в современном мире создает реальную угрозу социально-политической стабильности во многих странах и даже в целых геополитических регионах. Он принимает транснациональные масштабы и организационные формы. Борьба с ним является одним из актуальнейших направлений деятельности национальных государств и международного сообщества.

В России проблема исламского экстремизма носит особо острый характер на Северном Кавказе, где религиозный радикализм, активизировавшийся в условиях социально-экономической и политической нестабильности, вызванной реформами на рубеже тысячелетий, тесно переплетается с сепаратизмом некоторой части местных элит, а также с подрывной деятельностью международного терроризма и западных спецслужб. Для успешной борьбы с исламским религиозным экстремизмом крайне важно понимание его сущности и специфики. Целью нашей работы является анализ специфики исламского экстремизма как разновидности религиозного экстремизма.

Сущность экстремизма

Анализ специфики исламского экстремизма необходимо начать с определения сущности экстремизма вообще. Затем необходимо рассмотреть специфику религиозного экстремизма как специфического вида экстремизма вообще. Сущность экстремизма в современной литературе является дискуссионной. Несмотря на большое число определений экстремизма, единого и общепринятого пока не

создано. В этой ситуации приходится делать определенный выбор базового определения этого понятия.

Продуктивным является подход М.Я. Яхьяева, который рассматривает экстремизм как специфическую деструктивную форму социального радикализма. «Радикализм – тип социальной практики или деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение существующей социально-политической системы или ситуации» [12, с. 11]. Главное отличие экстремизма от противоположной конструктивной формы радикализма – революционной деятельности, по мнению М.Я. Яхьяева, состоит в его деструктивной, разрушительной направленности на коренное, реакционное насильственное изменение существующей социально-политической системы.

Философский подход к определению сущности экстремизма должен быть интегральным, т. е. включать экстремистскую сознание, экстремистская деятельность и экстремистские социальные организации. «В связи с многообразием толкования некоторые исследователи предлагают рассматривать понятие «экстремизм» в самом широком смысле как социально-политическое явление, включающее систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий общественных групп, политических партий и движений, отдельных граждан, направленных на использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам государственной власти, обществу в целом, международным и национальным организациям с целью изменения существующего государственного строя, разжигания национальной и социальной вражды» [11].

Однако философский подход должен также раскрывать социальный смысл или статус экстремизма как социального явления в более широком контексте, т. е. он должен быть социально контекстуальным. Каков социальный статус экстремизма? И.В. Воронов обращает внимание на то, что экстремизм по своему социальному смыслу есть специфический способ разрешения социальных противоречий, сложившихся в обществе [2, с. 14]. Действительно, экстремизм как чрезвычайный способ социальной практики и мышления порождается острыми социальными противоречиями и критическими пороками существующей социально-политической системы и представляет собой неэффективную, деструктивную попытку преодолеть эти противоречия, и в то же время он есть манифестация этих противоречий и критических проблем в функционировании существующей социально-политической системы.

Важным для понимания сущности экстремизма также является соотношение понятий *терроризм* и *экстремизм*. Это отношение, на наш взгляд, таково: понятие «терроризм» характеризует определенный способ деятельности. «Терроризм (лат. *terror* – страх, ужас) – это политика устрашения и насильственных действий в достижении определенных политических целей (изменение внутренней или внешней политики государства, провоцирование международных инцидентов и вооруженных конфликтов, провокаций на межэтнической и межрелигиозной основе: навязывание определенной линии поведения, подавление политических противников и конкурентов и т. д.) при помощи террора, убийств, покушений, инсценирования «судов», диверсионных акций, направленных как против противников, так и против не причастного к противостоянию населения» [1]. Этот способ деятельности характерен для экстремизма, но само явление экстремизма не исчерпывается лишь этим. Оно по своему содержанию гораздо шире. Кроме того, терроризм как способ общественной практики может быть присущ не только экстремизму, но, например, и революционной деятельности.

Классификация экстремизма

Поскольку нас интересует религиозный экстремизм, нельзя обойти вниманием проблему классификации видов экстремизма. По этому вопросу в литературе нет общепринятого мнения, но существует множество различных классификаций.

Широко распространен подход, согласно которому следует классифицировать виды экстремизма по сферам его проявления. «Несмотря на то, что существует значительное количество критериев, по которым возможно дать классификацию видов экстремизма, на наш взгляд, определяющим из них должна выступать та или иная сфера общественной жизни, в которой он (экстремизм) проявляется (политика, экономика, экология, религия)» [10]. Это данному вторичному критерию можно выделить огромное количество видов экстремизма: экономический, политический, религиозный, культурный, национально-этнический, демографический, юридический, экологический, технологический, социальный и т. д. Содержательная характеристика всех этих разновидностей сводится либо к ссылкам на определенную идеологическую основу соответствующего «вида» экстремизма, либо на описание перечня «экстремистских» действий в соответствующей социальной сфере.

Классификационный критерий сферы проявления экстремизма является не вполне удачным, поскольку он, во-первых, не раскрывает существенные признаки этого социального феномена, во-вторых, создает возможность для нарушения логической строгости классификации, в-третьих, в конечном счете фактически превращается в ссылку на более существенные признаки экстремизма: идеологию и экстремистскую деятельность.

Попытка дать классификацию видов экстремизма по сферам его проявления ведет к неудачным результатам, когда из характеристики сущности определенных, искусственно выделенных видов экстремизма исчезает его существенный признак – экстремистская идеология. Вот пример такой неудачной попытки: «В сфере экономических отношений – экономический экстремизм направлен на устранение конкуренции в предпринимательской деятельности путем криминальных насильственных действий преступных групп, оказания давления, устрашения, бандитских нападений на конкурентов.

Экстремизм в области культуры ориентирован на изоляционизм, отвержение достижений других культур и проявляется в пропаганде насилия, жестокости, уничтожении исторических памятников, являющихся национальным достоянием и других крайних действиях.

Экстремизм в области экологических отношений выступает против эффективной государственной природоохранительной политики и научно-технического прогресса.

Технологический экстремизм направлен на использование или угрозу использования ядерного, химического или бактериологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических и биологических веществ, а также захват ядерных или иных промышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, ради достижения политических целей и др.» [11].

Все эти искусственно выделенные виды экстремизма не удастся убедительно подвести под его существенные признаки. Здесь за экстремизм выдаются самые разные виды деятельности в сфере экономики, экологии и т. д., но не указывается главный признак – экстремистская идеология, лежащая в основе описываемых действий. В результате трудно отнести перечисленные наборы действий к описанию сущности соответствующих видов экстремизма. Таким образом, классификация экстремизма по сферам его проявления не может быть базовой и вообще не является эффективной.

Существуют классификации видов экстремизма, основанные на других признаках. Логически обоснована классификация экстремизма по социальным субъектам – носителям экстремизма. Данный подход намечает И.Н. Юркин: «Экстремизм, как и терроризм, многолик. В аспекте движущих сил, т. е. субъектов экстремистской деятельности, можно различать: проявления экстремизма в сознании и поведении отдельных людей; групповые экстремистские действия толп населения при подстрекательстве или провоцировании их отдельными лицами; экстремистскую деятельность соответствующих общественных, религиозных, националистических, региональных, политических и иных организаций» [15].

Развивая предложенный подход, можно дифференцировать критерий социальных субъектов – носителей экстремизма. Во-первых, можно применить критерии социально-классовой дифференциации и на этой основе выделить два основных вида экстремизма: экстремизм экономически господствующих социальных групп и экстремизм экономически подчиненных социальных групп. Внутри последнего есть две разновидности: экстремизм трудящихся, т. е. занятых групп населения, и экстремизм социальных маргиналов, безработных. Можно также применить возрастно-демографический критерий, выделяя виды экстремизма по демографическим группам населения.

Одним из наиболее существенных признаков экстремизма, как уже отмечалось, является экстремистская идеология. Поэтому классификация по типу идеологии, безусловно, является одной из наиболее обоснованных. Здесь нужно исходить, во-первых, из формы идеологии, во-вторых, из ее социального содержания. Идеология вообще рассматривается как упорядоченная система идей и взглядов, выражающих отношение людей и их общностей друг к другу и к социальной действительности с точки зрения их социального статуса и интересов.

Форма идеологии определяется способом духовного отражения интересов определенных социальных групп. По этим способам отражения можно выделить следующие типы идеологий: политическую, правовую, нравственную, философскую, религиозную, эстетическую. В них с разной степенью непосредственности отражаются интересы социальных групп. Наиболее ярко – в политической идеологии. Религиозная идеология является, с одной стороны, универсальной формой идеологии, с другой стороны, превратной, поскольку опосредует социальные интересы и идеологические позиции санкцией веры в сверхъестественное и специфическими теологическими аргументами. Однако по силе и массовости своего воздействия она конкурирует с политической идеологией. Возможен также симбиоз политической и религиозной идеологии в форме религиозно-политической.

Социальное содержание – реальные интересы определенных социальных групп, которые в превратной и чрезвычайной форме получают выражение в экстремистской идеологии. Здесь уместно при характеристике определенного типа экстремистской идеологии делать ссылку на конкретные социальные группы, которые являются ее социальной почвой и основными носителями.

Таким образом, классификация экстремизма по типу идеологии обязательно должна дополняться уточнением ее социального содержания. Применительно к политической идеологии выделяют по отношению к существующей социально-политической системе консервативные, анархические, либеральные, революционные идеологии, внутри которых существуют разновидности от умеренных, до радикальных. Именно к радикальным разновидностям этих политических идеологий относится экстремистская идеология, потенциально выступающая во всех четырех основных типах политических идеологий. Уточнение социального содержания

религиозного экстремизма предполагает его классификацию по формам и историческим типам религии.

Рассмотренные нами классификации видов экстремизма могут быть дополнены. Одной из продуктивных и важных может быть классификация по социальному типу экстремизма. «Экстремизм следует рассматривать как социальное явление, а именно как специфическую форму социальных отношений, характерную для общества, находящегося в кризисной ситуации, в точке социальной бифуркации. В экстремизме как специфическом социальном отношении есть две стороны: власть и народ, или управляющая каста и управляемое общество (социальные группы). Т. о., экстремизм – это острая форма отношений власти и народа, когда обе стороны прибегают к насильственным крайним действиям по отношению друг к другу. В этом отношении нужно различать две стороны: деятельность власти (как исходный посыл) и деятельность народа (как ответ на посыл или раздражитель). Со стороны власти это конфликтное социальное отношение проявляется в политике, которая ставит население в критические, невыносимые условия существования, а со стороны народа – это крайняя форма социального протеста» [9, с. 44].

Таким образом, можно выделить два основных типа экстремизма: экстремизм сверху (идеология и политика правящих социальных групп, направленная на резкое ухудшение социального положения населения), экстремизм снизу (идеология и политическая деятельность населения, поставленного властью в критические условия существования).

По социокультурной локализации в социокультурном и географическом пространстве можно выделить следующие типы экстремизма: региональный (сепаратистский) внутри отдельных стран или регионов планеты, национальный (в рамках отдельных государств), цивилизационной (в рамках отдельных типов цивилизаций) и транснациональный, или международный.

По способу социальной организации можно выделить два основных типа экстремизма: стихийный, неорганизованный и неинституализированный и институализированный, организованный, принявший форму определенных экстремистских организаций с систематической экстремистской деятельностью.

Завершая анализ проблемы классификации экстремизма, следует отметить, что дать абсолютно точную классификацию видов экстремизма невозможно, ибо на практике нет чистых типов. Они возможны только в теории. На практике есть смешанные типы экстремизма.

Альтернативные классификации экстремизма, рассмотренные нами, не исключают друг друга, а дополняют, давая комплекс критериев для спецификации конкретного исследуемого вида. Важно лишь использовать эти критерии в правильном логическом порядке от общего к частному. Здесь целесообразно выстроить следующую иерархию: по социокультурной локализации, по социальному типу, по субъектам, по идеологии, по типу организации.

Специфика религиозного экстремизма

Переходя к религиозному экстремизму, необходимо начать с того, что его главным критерием является специфика религии как базовой идеологии. Здесь уместно вспомнить марксистское определение социальной сущности религии: «Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял. Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество порождает религию, превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир... Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной

действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [7, с. 414–415].

Ключевым моментом в понимании природы религиозного экстремизма является вопрос о характере связи религии и экстремизма: является ли эта связь необходимой или возможной? Другими словами, всегда ли религия порождает экстремизм? Очевидно, что религия потенциально содержит в себе возможность экстремистской трансформации. Особенно это касается развитых религий. «Всякая религия, достигшая зрелой формы (мировой религии), содержит в себе, благодаря сочетанию консерватизма и гибкости, потенциальную возможность экстремистской модификации» [12, с. 26].

Но для реализации этой возможности необходимы определенные социальные предпосылки или условия. Комплекс этих условий включает в себя как объективные моменты: социально-экономический и политический кризис в обществе, радикальные трансформации общественной системы, так и субъективные моменты: кризис социокультурной идентичности и национальной идеологии, конкуренцию альтернативных идеологий, повышенную активность оппозиционных, антиправительственных политических сил и т. д.

В чем же специфика экстремистской модификации традиционной религии? По мнению М.Я. Яхьяева, она связана не с основными догматами и обрядами данной религии, лишь с акцентуацией определенных сторон религиозной идеологии. «К числу таких акцентов, характерных для экстремистской формы религиозно-политической идеологии, относятся, по нашему мнению, пять моментов: 1) акцентуация отношений с иноверцами и еретиками, актуализация религиозной нетерпимости; 2) формирование образа врага истинной веры; 3) религиозная санкция агрессии против врагов истинной веры; 4) акцентуация социального содержания религии в форме религиозного идеала праведной жизни и праведного общества; 5) дихотомическая, прямолинейная поляризация мира» [12, с. 29].

Если религия, по классическому определению Маркса, опиум народа, т. е. некий духовный наркотик, то экстремистская форма религии, или религиозный экстремизм, – это возбуждающий, кататонический наркотик, побуждающий к экстремальной деструктивной активности.

Современный религиозный экстремизм невозможно понять вне его связи с политическим экстремизмом. Поэтому вполне оправдано использование термина «религиозно-политический экстремизм». Подобно тому, как в Средние века и в Новое время в Европе социально-политические движения принимали форму религиозных (например, протестантизм), так и в наше время религиозный экстремизм, в частности исламский, фактически является некой формой политического экстремизма. Политический экстремизм, в особенности на Северном Кавказе, принимает удобную форму религиозного исламского экстремизма в условиях, которые способствуют этой трансформации: слабое развитие подлинно демократических политических институтов и практик, социально-экономический кризис, духовная дезориентация и проблема социокультурной идентификации общества.

Религиозно-политический экстремизм есть способ использования радикализованной религиозной идеологии в политических целях. «Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность конкретных личностей, социальных групп, их

организаций. Эта деятельность всегда имеет своей целью насильственное изменение существующего строя или насильственный захват власти» [12, с. 27–28].

А.А. Нуруллаев также подчеркивает, что религиозно-политический экстремизм направлен на достижение политических целей. «Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей» [8, с. 84].

По своей социальной сущности религиозный экстремизм – экстремизм снизу, формирующийся как превратная идеология угнетенных масс трудящегося населения или социальных групп, поставленных в положение социальных маргиналов. При характеристике сущности религиозного экстремизма важно провести различие между экстремизмом, с одной стороны, и религиозным фанатизмом – с другой. Также важно установить соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм».

Д.С. Рязанов считает, что религиозно-политический экстремизм является разновидностью религиозного экстремизма, логически включенной в это понятие, но понятие религиозного экстремизма шире. С другой стороны, фундаментализм в логическом смысле частично пересекается с религиозным и религиозно-политическим экстремизмом [13, с. 181].

М.Я. Яхьяев, уточняя сущность религиозного экстремизма, проводит различие между экстремизмом и фанатизмом, рассматривая оба эти явления как качественно различные формы деструктивного радикализма. «Фанатизм является иллюзорно-деструктивной формой социальной революции. Он одержим идеей преобразования мира по своему иллюзорному идеалу» [12, с. 12]. Экстремизм же относится к религиозному радикализму, основанному на фундаменталистской ориентации. «Экстремизм – это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с фундаменталистскими взглядами... Экстремизм... нацелен не на изменение существующего общества, а на сохранение его и представляет собой защитную агрессивную реакцию на угрозу радикального изменения существующего социального порядка. Его идеологической формой выступает обычно традиционная идеология, которая принимает радикальную форму» [12, с. 13].

Рассматривая специфику современного религиозного экстремизма, следует особо подчеркнуть его неразрывную связь с терроризмом, который стал основным методом деятельности исламских религиозных экстремистов. «Современный религиозный экстремизм неотделим от терроризма, который является одним из крайних выражений экстремистской деятельности. В последние десятилетия религиозный экстремизм все чаще обращается к организованному и религиозно обоснованному использованию террористических актов как к средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода наблюдались в Чечне, Узбекистане, Югославии, Ольстере, на Ближнем Востоке» [11].

Рассматривая религиозный экстремизм, можно квалифицировать его основные современные формы по двум основным критериям: по типу религиозной организации и по религиозной конфессиональности. По типу религиозной организации современный религиозный экстремизм ближе всего к деструктивным тоталитарным сектам, однако его организационные формы выходят нередко за эти рамки и достигают уровня массовых религиозных движений, теократических политических режимов, транснациональных религиозных объединений. По религиозной конфессиональности экстремизм следует различать по основным мировым религиям, в недрах которых содержится потенция экстремистской трансформации. Здесь возможны три формы религиозного экстремизма: исламский,

христианский и буддийский. Однако к этому перечню можно добавить и потенциально возможные формы экстремистской модификации некоторых национальных религий (как монотеистических, так и политеистических).

Исламский экстремизм

Теперь перейдем к специфике исламского экстремизма. Мы рассмотрим ее по ранее выделенным нами классификационным критериям локализуется Исламский экстремизм в современном мире в основном в странах, где ислам является традиционной религией. Эти регионы по своему статусу относятся к современной геополитической периферии, которая эксплуатируется странами «золотого миллиарда» и находится под мощным давлением глобализации. Это регионы с высокой внутренней социально-экономической и политической нестабильностью и массой социальных противоречий.

«Ряд аналитиков причины возникновения и развития феномена международного терроризма в современном мире видят в фундаментальном противоречии однополюсного мира, установившемся более десяти лет назад, в котором власть принадлежит узкой группе международных акторов. Суть этого противоречия – в противостоянии основных субъектов глобализации. В качестве глобального сверхигрока выступают США.

Угрозу мировому сообществу в форме международного экстремизма и терроризма определяют следующие факторы: формирование в государствах второго и третьего мира корпоративно-клановых структур, монополистических объединений, зависимых от транснациональных корпораций; нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания (в том числе и вследствие всеобщего распространения «вестернизированной» массовой культуры); гегемония мирового корпоративного капитала, давящего экономику стран «второго» и «третьего» мира, разрушающего их природу, развращающего местную элиту; нарастание культурного и информационного империализма» [1].

Однако исламский экстремизм активно продвигается вместе с миллионами мигрантов в регионы, где ислам не является ведущей, традиционной религией – страны Западной Европы и США. И этот процесс идет тем активнее, чем сильнее стран разрушительное влияние Запада на арабские мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока, фактически разрушая их как устойчивые, стабильные государства откровенно захватническими войнами или цветными революциями.

Исламский экстремизм имеет свои специфические истоки и особенности в России, в тех регионах, где традиционно проживает большое количество мусульман. Основные причины, порождающие возникновение и рост исламского экстремизма в России, особенно на Северном Кавказе, неоднократно указывали многие исследователи. Эти причины можно разделить на три группы: социально-экономические, политические, социокультурные или духовно-идеологические. Базисными, несомненно, являются социально-экономические причины: «это и социально-экономический кризис, и массовая безработица, и глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан» [12, с. 69]. К политическим причинам можно отнести многочисленные и острые социальные противоречия, порожденные российскими реформами: «между ограбленным и брошенным в беспросветную нищету населением страны и ее правящей верхушкой, состоящей из узкого слоя олигархов и чиновников; между различными группировками правящей чиновничье-олигархической элиты в борьбе за власть и прибыли; между бывшими союзными республиками в борьбе за передел

союзного имущества; между этническими группами российского многонационального государства» [12, с. 68].

Кроме этого, политическими факторами, влияющими на развитие экстремизма в России являются несовершенство российской политической системы, низкая степень ее демократичности и качества управленческой элиты, политические амбиции региональных лидеров, использующих религию в борьбе за власть и привилегии, подрывная деятельность зарубежных религиозных и политических центров, а также западных спецслужб.

Духовными факторами развития исламского экстремизма являются кризис советской, интернациональной, социалистической идеологии и основанной на ней социокультурной идентичности народа, распад единого культурного пространства, деградация духовной культуры, коммерциализация СМИ. Духовный вакуум в регионах Северного Кавказа с населением, поставленным в критические условия существования, моментально был заполнен стремительно радикализирующейся исламской идеологией. А.К. Алиев в своей статье уточняет истоки исламского экстремизма среди мусульман России и, в частности, в Дагестане: «практическое отсутствие научно обоснованной национальной и религиозной политики на юге России, отсутствие глубокого анализа и прогнозов в этих сферах; значительное снижение уровня жизни населения после распада СССР; колоссальная разница в доходах богатых и бедных, еще более заметная в местах компактного проживания мусульман; закрытие многих крупных советских предприятий на юге страны, приведшее к значительной безработице (до 80 %), особенно среди молодежи, в ряде регионов Северного Кавказа и Дагестана; коррупция в органах государственной власти, лишаящая простых людей всякой жизненной перспективы и веры в государственную власть; неискоренимая коррупция в высших и средних специальных учебных заведениях, лишаящая молодых людей уверенности в завтрашнем дне и справедливости при поступлении в высшие учебные заведения; деградация общественной нравственности, распространение проституции, наркотиков, алкоголизма и т. д.» [1].

Таким образом, сегодня в мире наблюдаются экстенсивный и интенсивный рост исламского экстремизма в регионах традиционного ислама, а также явление нарастающей экспансии исламского экстремизма.

По своей социальной сущности исламский экстремизм оказывается острой, но вполне закономерной реакцией исламских стран геополитической периферии на геополитическое господство и агрессию Запада.

В России исламский экстремизм также является закономерной реакцией сопротивления буржуазно-либеральной трансформации традиционных обществ, происходящей в крайне резких, неоднозначных и деструктивных формах. Здесь исламский экстремизм, по сути, есть форма социального протеста исламских регионов против капиталистической модернизации, против западной социокультурной экспансии, против глобализации по западным лекалам. «Радикальные движения суть движения протестные. Ваххабизм в последние два десятилетия выступил формой социального протеста определенной части верующих против тяжелой социально-экономической ситуации, массовой безработицы, коррупции, распространения наркомании и преступности» [12, с. 160].

Социальная база исламского экстремизма не ограничивается слоями социальных маргиналов или массовыми категориями малообеспеченного населения. В нем участвуют и представители интеллигенции, и некоторые политики, и бизнесмены. Другими словами, для исламского экстремизма характерна широкая социальная база, где представлены в разной мере все слои общества и социальные группы. Это

делает его особенно устойчивым и создает большой кадровый простор для формирования различных экстремистских исламских организаций.

Если перейти к характеристике идеологии исламского экстремизма, то следует прежде всего признать ее неоднородность, наличие множества конкурирующих, а нередко враждующих друг с другом версий. Этот момент отмечает В.В. Ким: «Исламский фундаментализм неоднороден. Существуют следующие направления:

– фундаментализм салафитов (суннитское течение ислама), призывающих возвратиться к вере «праведных предков» (ас-салаф ас-салихун). Они апеллируют к социальному порядку, а не к фундаменту; считаются радикальными, их активная борьба в Европе за чистоту веры дает возможность органам правопорядка обвинить их в религиозном экстремизме. Во Франции действует «Союз мусульманских организаций Франции», который критикует государственную политику по отношению к мусульманам, требует особых прав, которые позволят выделить салафитскую общину и подчинить ее автономному праву [амальви], члены этого союза радикально настроены и пользуются поддержкой в мусульманских пригородах;

– фундаментализм суннитских террористических групп, целью которых становится строительство исламского мира с помощью насилия (например, террористическая суннитская группировка «Исламское государство» (запрещённая в РФ организация), захватывающая территории в Ираке (лето 2014 г.), истребляет всех инаковерующих, ставя их перед выбором – принятие ислама или смерть); яркими представителями суннитов являются ваххабиты, ныне ваххабизм – официальная идеология Саудовской Аравии;

– фундаментализм шиитов (яркой страницей истории которого стали Исламская революция в Иране в 1979 г. и приход к власти аятоллы Хомейни), у которых большую роль играют духовные лидеры – муджтахиды, ученые-богословы, призванные вести общину верным путем; шиитам свойственны мученичество, жертвенность, исступление и экстаз, из их среды вышли шахиды – смертники, совершавшие теракты в Палестине, Ливане и других странах (известная террористическая группировка шиитов Ливана – «Хизбалла» (партия Аллаха) внесена в списки запрещенных организаций);

– движение «Талибан» (от араб. талиб – «ищущий знания»), представляющее собой ультраконсервативное исламское движение (ультрафундаментализм), сформировавшееся в 1994 г. из выпускников медресе (мусульманских религиозных училищ), которые открывались в Пакистане для беженцев-пуштунов из Афганистана. Финансировалось Пакистаном, США и Саудовской Аравией. Цель движения – создание истинно исламского государства, лидер – мулла Мохаммад Омар. Талибы создали на большей части Афганистана Исламский Эмират, где ввели в действие законы шариата в крайней интерпретации, осуществляли политику истребления всего «неисламского», в настоящее время правительство талибов пало, деятельность движения «Талибан» продолжается» [5, с. 12–13].

Как видим, в каждом конкретном исламском социокультурном регионе формируется своя специфическая, учитывающая и отражающая местные особенности версия исламского экстремизма. Соответственно двум основным течениям ислама можно выделить два идеологических направления в исламском экстремизме: шиитское и суннитское. Причем, эти оба направления крайне агрессивно относятся не только к общим врагам – иноверцам, но и друг к другу.

В России на Северном Кавказе идеологией исламского экстремизма стали фундаменталистские направления ислама – салафизм и ваххабизм. В.В. Ким отмечает: «Исламский фундаментализм содержит несколько характеристик, потенциально способствующих формированию экстремизма и фанатизма:

редуцирование джихада к одному столпу веры – войне с неверными; буквальное следование Корану и его трактовка в конфликтном ключе – противостоянии неверным; восприятие западных ценностей и ценностей умеренного ислама как угрозы вере; эксплуатация радикальной идеологии экстремистскими группами, склонными к насилию, подготовка фанатиков, которые чаще всего становятся смертниками; тяготение к установлению авторитарной идеологии и формированию авторитарного мышления. В итоге радикальная форма исламского фундаментализма представляет собой идеологическое основание, на котором активизируется религиозный фанатизм. В целом же фундаментализм, представляющий собой идейное направление за возвращение к основам, является объективной реакцией на новации модерна» [5, с. 14]. Главные требования программы ваххабитов – возврат к «золотому веку» ислама, шариатизация общественной жизни и воссоздание теократического государства «Имарат Кавказа» [12, с. 156].

Фундаментализм, порождающий исламский экстремизм, казалось бы, должен быть направлен на восстановление первоначальных основ истинного, оригинального ислама и, таким образом, не совместим с религиозным реформаторством. Однако на самом деле это не так. Идеология исламского экстремизма вовсе не является последовательным фундаментализмом. Напротив, исламские экстремистские идеологи вполне реформаторски, но в духе экстремизма интерпретируют оригинальный ислам, фактически выдавая за него ту версию идеологии, которая выражает их экстремистские взгляды. В результате получается некая дикая смесь исламского фундаментализма с идеологической гибкостью и реформаторством. Этот момент специально отмечает П.С. Гуревич, по мнению которого, фундаментализм амбивалентен: он апеллирует к традиции и вместе с тем предлагает новый социальный (религиозный) идеал. Он дает новые ориентиры для общества и потому реализуется как идеология. Идеалом становится стремление к возвращению в «золотой век», ко времени, где люди чувствовали себя спокойно, к изначальной истине и т. п., что связывает фундаментализм с мифом и мифологическим сознанием [3].

Несмотря на определенные различия между формами экстремистской исламской идеологии, можно выделить ее общее идейное ядро и характерные современные особенности. К идеологическому ядру исламского экстремизма можно отнести следующий комплекс акцентированных идей. Во-первых, это агрессивная нетерпимость к инакомыслящим и инаковерующим, представителям немусульманских стран и цивилизаций, которые рассматриваются как враги ислама. Во-вторых, эта нетерпимость получает естественное завершение в актуализации идеи джихада, который интерпретируется в исламском экстремизме как обязанность мусульманина, такая же, как, например, ежедневный намаз или пост (ураза). «Экстремисты в мусульманской среде, истолковывая джихад как призыв к вооруженной борьбе, считают его шестым «столпом» веры» [12, с. 133].

В-третьих, исключительное место в идеологии исламского экстремизма занимает идеализация социальных и правовых норм раннего, первоначального ислама, который интерпретируется вовсе не в полном соответствии с действительными принципами оригинального ислама, а таким образом, какой выгоден современным экстремистам. В-четвертых, это «требование хиджры (переселения) с земель, контролируемых неверными и язычниками, что было первым шагом к объявлению джихада; мир при этом как бы распадался на два антагонистических географических лагеря: территория неверных (дар аль-куфр) и территория ислама (дар аль-ислам)» [5, с. 12].

Теперь рассмотрим характерные особенности исламской экстремистской идеологии в ее разнообразных современных версиях. «Одной из важнейших

характерных особенностей проявления экстремизма в исламском мире является тенденция к монополизации истины» [12, с. 129]. Причем, каждая из многочисленных версий исламского экстремизма именно себя считает единственной носителем истинной веры. Важной особенностью исламского экстремизма является также современное мессианство, вера в единого лидера, призванного реализовать идеалы золотого века ислама в современном мире. Еще одной «отличительной особенностью радикальных исламистов нового поколения являются своеобразный интернационализм и глобализм. Им недостаточно «следования праведности и исправления греха» в одной отдельно взятой стране. Целью этих политических активистов является построение халифата в рамках всего мусульманского мира» [6, с. 12]. Как минимум российский исламский экстремизм выдвигает идею построения кавказского исламского государства – Имарата Кавказа.

Исламский интернационализм, с одной стороны, проповедует идею братства равенства всех мусульман по религиозному принципу. С другой стороны, он направлен против западных глобалистов и прозападных политических режимов и лидеров. Исламский экстремистский глобализм в его крайних формах провозглашает цель построения всемирного халифата, т. е. мирового порядка, основанного на доминировании исламской цивилизации и идеологии. Исламский глобализм в виде идеи всемирного халифата или как минимум регионального халифата – это вполне закономерная реакция на западный глобализм. Правда, некоторые критики подвергают сомнению искренность строителей всемирного халифата. Так, например, А.К. Алиев замечает: «Звучащие из уст боевиков слова о «новом всемирном халифате», т. е. о монополярном мировом порядке под диктатом мусульман, являются всего лишь ширмой для провоцирования межцивилизованных конфликтов» [1].

В.В. Ким обращает внимание еще на одну неафишируемую сторону глобализма исламских экстремистов. «Для многих исламских государств борьба с Западом стала своеобразным отвлекающим маневром, позволяющим переключить внимание граждан с экономических проблем на внешнего врага. С этой целью образ Запада все больше демонизируется. Большую роль в формировании фундаментализма в исламе сыграла концепция панисламизма (до нее: пантюркизм и панарабизм) – идеология вненационального, внеклассового единства всех мусульман, которая стала идейной основой движения исламской солидарности в эпоху крушения колониальной системы и обретения национальной независимости странами Ближнего и Среднего Востока. Она опирается не только на единую религиозную основу, но и на демографические перемены, связанные с демографической стратегией ислама, которая поощряет рождение детей, считая это волей Аллаха, что приводит к увеличению численности мусульманского населения во всем мире и, соответственно, к распространению ислама (в 2013 г. четверть населения)» [5, с. 12].

Еще одной особенностью исламского экстремизма является радикальный разрыв с традиционным исламским мировоззрением, несмотря на все декларации о приверженности оригинальному исламу. «Складывающаяся на Ближнем Востоке под влиянием ваххабитской парадигмы новую религиозно-идеологическую систему можно охарактеризовать как «новую суннитскую идентичность». Ее характерной чертой является разрыв с прежними фундаментальными основами традиционного суннитского мировоззрения» [6, с. 10].

И.П. Добаев констатирует, что для идеологии исламского экстремизма характерно также сочетание лабильности с устойчивой деструктивностью. «Анализируя идеологию исламского радикализма и экстремизма, необходимо отметить ее лабильность и гибкость, с одной стороны, а с другой стороны, – устойчивую деструктивную направленность и агрессивность. «Исламский

радикализм» как идеологическая доктрина не является какой-то раз и навсегда заданной, застывшей величиной, а выступает в качестве универсального понятия, поскольку может базироваться на идейно-доктринальных установках и «суннитского салафизма», и «шиитского фундаментализма», и «пантюркизма»... продуцируя, тем не менее, зачастую внешне идентичную, например террористическую, политическую практику. На этой основе, как свидетельствует обширная мировая и отечественная практика, культивируются определенные модели социального и политического поведения в исламских обществах. Такие модели зачастую оказываются несовместимыми с государственно-политическими институтами (в т. ч. и с институтами традиционного, умеренного ислама), а потому в своем развитии требуют формирования новых институтов власти, форм общежития и социальной организации» [4, с. 63].

По типу организационных форм современный исламский экстремизм крайне разнообразен. «Современные исламистские организации (движения), использующие террористические методы, объединенные общими лозунгами о построении «исламского государства», не представляют собой цельного движения, а характеризуются значительным числом идеологических разломов, проистекающих как из многовековых теологических разногласий, так и современных политических противоречий. Также внутренне гетерогенным является течение салафитов-джихадистов, которые, несмотря на наличие двух крупных центров притяжения в лице структур аль-Каиды и «Исламского государства в Ираке и Леванте» (запрещенная в РФ организация), продолжают оставаться организационно раздробленными, в то же время демонстрируя наибольшую вовлеченность в терроризм» [14, с. 91].

Среди организационных форм исламского экстремизма можно увидеть и мелкие тоталитарные секты, и многочисленные местные мусульманские общины, попавшие под контроль экстремистских религиозных лидеров, и учебные центры исламских экстремистов под различным камуфляжем, и экстремистские террористические организации, вплоть до Исламского государства (ДАИШ), запрещенного в России. Новой формой исламских экстремистских организаций, активно использующих возможности Интернета и современных средств коммуникации, являются сетевые экстремистские структуры как регионально-национальные, так и транснациональные.

На Северном Кавказе можно обнаружить все основные организационные формы исламского экстремизма. Это и так называемые зарубежные исламские благотворительные фонды, распространяющие идеологию ваххабизма, и международные исламские террористические организации, такие, как, например, «братья-мусульмане», ДАИШ (ИГИЛ) (Организация, запрещенная в РФ), «Аль-Каида» и т. п. (их общее количество насчитывает несколько десятков), и образовательные, пропагандистские и информационные ваххабитские организации от учебных центров до издательств ваххабитской литературы.

Организационными формами исламского экстремизма (ваххабизма) на Северном Кавказе выступают также многочисленные местные ваххабитские общины верующих, возникшие во многих населенных пунктах. На базе ваххабитских общин формируются ваххабитские сообщества, занимающиеся не только религиозной пропагандой и воспитанием, но и военной подготовкой молодых ваххабитов, из которых затем создаются диверсионно-террористические группы, организованные по сетевому принципу, состоящие из небольших самостоятельных ячеек. «Матричный» тип организации исламистов отчасти поддерживается самой сутью ислама, поскольку последний не предполагает наличия линейной организации и строгой иерархии» [16, с. 71]. Представлены на Северном Кавказе и местные

крупные экстремистские организации, такие, например, как «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа» или «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и т. п.

Общими особенностями современных организационных форм исламского экстремизма на Северном Кавказе являются, во-первых, переход к методам подпольной диверсионной войны против действующей власти и ее представителей, во-вторых, экстенсивное и интенсивное воспроизводство экстремизма на местной основе. Если ранее местный исламский экстремизм формировался в основном за счет поддержки зарубежных исламских экстремистских организаций, то теперь он имеет собственную местную организационную и идеологическую базу, обеспечивающую воспроизводство экстремизма уже на местной основе. «У исламистов на Северном Кавказе уже есть... своя идеология и политическая программа создания шариатского государства...» [16, с. 71].

Заключение

Исламский экстремизм обладает всеми существенными признаками религиозного экстремизма, а его специфика конкретизируется по следующим основаниям: по социокультурной локализации, по социальной сущности, по социальной базе, по характеру идеологии, по организационной институализации.

По социокультурной принадлежности исламский экстремизм в современном мире локализуется в основном в странах, где ислам является традиционной религией. Эти регионы по своему статусу являются современной геополитической периферией, которая эксплуатируется странами «золотого миллиарда» и находится под мощным давлением глобализации. Это регионы с высокой внутренней социально-экономической и политической нестабильностью и массой социальных противоречий. Однако сегодня в мире наблюдается, с одной стороны, экстенсивный и интенсивный рост исламского экстремизма в регионах традиционного ислама, а также нарастающая экспансия исламского экстремизма, выходящего за пределы традиционно исламского социокультурного региона.

По своей социальной сущности, или основному смыслу исламский экстремизм оказывается острой, но вполне закономерной реакцией исламских стран геополитической периферии на геополитическое господство и геополитическую агрессию Запада, направленную на закрепление однополярного мира. В России исламский экстремизм также является закономерной реакцией сопротивления буржуазно-либеральной трансформации традиционных обществ, происходящей в крайне резких, неоднозначных и деструктивных формах.

Для исламского экстремизма характерна широкая социальная база, где представлены в разной мере все слои общества и социальные группы. Идеология исламского экстремизма неоднородна. Существует не одна, а множество конкурирующих, а нередко враждующих друг с другом версий экстремистской исламской идеологии. В каждом конкретном исламском социокультурном регионе формируется своя специфическая, учитывающая и отражающая местные особенности версия исламского экстремизма. Наряду с этим существуют и попытки создания единой международной идеологии исламского экстремизма. Общими особенностями исламской экстремистской идеологии являются ее опора на религиозный фундаментализм, акцентуация религиозной нетерпимости, джихадизм.

По типу организационных форм современный исламский экстремизм крайне разнообразен. Это мелкие тоталитарные секты, и многочисленные местные мусульманские общины, попавшие под контроль экстремистских религиозных лидеров, и учебные центры исламских экстремистов под различным камуфляжем, и экстремистские террористические организации, вплоть до Исламского государства

(ДАИШ), запрещенного в России. Новой формой исламских экстремистских организаций, активно использующих возможности Интернета и современных средств коммуникации, являются сетевые экстремистские структуры, как регионально-национальные, так и транснациональные.

Исламский экстремизм является общественно опасной и деструктивной формой радикализма. Борьба с ним должна быть научно обоснованной и всесторонне обеспеченной государственной политикой, направленной на устранение фундаментальных социально-экономических, политических и духовных причин радикализации ислама в мусульманских регионах России.

Литература

1. *Алиев А.К.* Сущность и профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе // Национальная политика и межэтнические отношения в полиэтническом регионе. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Махачкала, 2009.
2. *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... к. полит. н. – Ростов-н/Д, 2000.
3. *Гуревич П.С.* Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 4. – С. 154–162.
4. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: социально-философский анализ / отв. ред. д. ист. н., проф. *А.В. Малащенко*. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.
5. *Ким В.В.* Экстремистские потенции религиозного фундаментализма: от истоков до наших дней // *Исламоведение*. – 2014. – № 4. – С. 6–17.
6. *Кузнецов А.А.* «Новая суннитская идентичность» как идеологическая основа для появления радикальных исламистских движений // *Исламоведение*. – 2016. – № 4. – С. 5–15.
7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – М., 1955. Т. 1.
8. *Нуруллаев А.А.* Религиозно-политический экстремизм // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология*. – 2003. – № 4. – С. 83–92.
9. *Поломошнов А.Ф.* К вопросу о сущности экстремизма // *Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 ноября 2016 г.)* / под ред. проф. *Яхьяева М.Я.* – Махачкала: Алеф, 2016. – С. 38–45.
10. *Пономаренков В. А., Яворский М. А.* Сущностная характеристика современного экстремизма // *Юридический мир*. – 2008 – № 2. – С. 41–43.
11. *Понятие, сущность, формы и виды экстремизма и терроризма* // АВ 2004 г. Выпуск 15. Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4395/14130>.
12. *Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления* / под ред. *М.Я. Яхьяева* – М.: Парнас, 2011. – 296 с.
13. *Рязанов Д.С.* Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*. – 2014. – Т. 7. – С. 177–184.
14. *Рязанов Д.С., Охрименко А.В., Ибрагимов Г.И.* Терроризм в странах мусульманского культурно-исторического ареала: общие тренды и идеологические особенности (по материалам анализа электронных баз данных терроризма) // *Исламоведение*. – 2016. – № 1. – С. 80–92.

15. Юркин И.Н. Сущность и особенности проявлений молодежного экстремизма // Символ науки. – 2016. – № 9–2. – С. 83–88.

16. Яхьяев М.Я., Русидзе А.Р. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе // Религиоведение. – 2010. – № 2.

References

1. Aliev A.K. Sushhnost' i profilaktika jekstremizma i terrorizma na Severnom Kavkaze // Essence and Prevention of Extremism and Terrorism in the North Caucasus [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/ponyatie-i-sushhnost-ekstremizma/item/878-sushhnost-i-profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma-na-severnom-kavkaze>.

2. Voronov I.V. Osnovy politiko-pravovogo ogranichenija social'no-politicheskogo jekstremizma kak ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. ... kand. polit. n. [Fundamentals of the Political and Legal Limitations and Restrictions of Social and Political Extremism as a Threat to Russia's National Security] [Tekst] – Rostov-on-Don, 2000.

3. Gurevich P.S. Fundamentalizm i modernizm kak kul'turnye orientacii [Fundamentalism and Modernism as a Cultural Orientation] [Jelektronnyj resurs]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. [Social Sciences and Modernity] 1995, № 4. S. 154–162.

4. Dobaev I.P. Islamskij radikalizm: social'no-filosofskij analiz / otv. red. d. ist. n., prof. A.V. Malashenko [Islamic Radicalism: Social and Philosophical Analysis] – Rostov n/D: Izdatel'stvo SKNC VSh, 2002.

5. Kim V.V. Jekstremistskie potencii religioznogo fundamentalizma: ot istokov do nashih dnei / [Extremist Potencies of Religious Fundamentalism: from the Origins to the Present Day] // Islamovedenie [Islamic Studies]. – 2014. – № 4. – S. 6–17.

6. Kuznecov A.A. «Novaja sunnitskaja identichnost'» kak ideologicheskaja osnova dlja pojavlenija radikal'nyh islamistskikh dvizhenij. [«New Sunni Identity» as an Ideological Basis for the Emergence of Radical Islamist Movements] // Islamovedenie [Islamic Studies]. – 2016. – № 4. – S. 5–15.

7. Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie. / Marks K., Jengel's F. Soch., 2-e izd., T. 1. [Critique of Hegel's Philosophy of the Law. Introduction] [Tekst] – M., 1955.

8. Nurullaev A.A., Nurullaev Al. A. Religiozno-politicheskij jekstremizm [Religious and Political Extremism] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Politologija [Bulletin of the Russian University of People's Friendship. Politology Series]. – 2003. – № 4. – S. 83–92.

9. Polomoshnov A.F. K voprosu o sushhnosti jekstremizma [On the Essence of Extremism] / Strategija i taktika protivodejstvija vyzovam jekstremizma i terrorizma v Rossii na sovremennom jetape: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii (18–19 nojabrja 2016 g.) [The Strategy and Tactics of Action against Extremism and Terrorism in the Contemporary Russia: Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference (November 18–19, 2016)] / pod red. prof. Jakhjaeva M.Ja. – Mahachkala: ALEF, 2016. – S. 38–45.

10. Ponomarenkov V.A., Javorskij M.A. Sushhnostnaja karakteristika sovremennogo jekstremizma [The Essential Characteristic of Contemporary Extremism] // Juridicheskij mir [Juridical World]. – 2008 – № 2. S. 41–43.

11. Ponjatie, sushhnost', formy i vidy jekstremizma i terrorizma [The Concept, Essence, Forms and Types of Extremism and Terrorism] // AV 2004 g. Vypusk 15 Zakonodatel'noe regulirovanie protivodejstvija religioznomu jekstremizmu: rossijskij i zarubezhnyj opyt [AV 2004. Issue 15. Legislative Regulation of Action against Religious

Extremism: Russian and Foreign Practices]. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4395/14130>.

12. Religiozno-politicheskij jekstremizm: sushhnost', prichiny, formy pojavlenija, puti preodolenija. [Religious and Political Extremism: the Nature, Causes, Forms and Counteraction] / [Tekst]: / pod red. M.Ja. Jakhjaeva. – M.: Parnas, 2011. – 296 s.

13. Rjazanov D.S. Religioznyj jekstremizm, religiozno-politicheskij jekstremizm i religioznyj fundamentalizm: obshhee, osobennoe, edinichnoe. [Religious Extremism, Religious and Political Extremism and Religious Fundamentalism: General, Specific and Individual Features] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Irkutsk State University Review]. – Serija «politologija. Religiovedenie» [Politology and Religious Studies Series]. – 2014. – T. 7. – S. 177–184.

14. Rjazanov D.S., Ohrimenko A.V., Ibragimov G.I. Terrorizm v stranah musul'manskogo kul'turno-istoricheskogo areala: obshhie trendy i ideologicheski e osobennosti (po materialam analiza jelektronnyh baz dannyh terrorizma). [Terrorism in the Muslim Cultural and Historical Area: General Trends and Ideological Peculiarities (based on the analysis of electronic databases of terrorism).] // Islamovedenie [Islamic Studies]. – 2016. – № 1. – S. 80–92.

15. Jurkin I.N. Sushhnost' i osobennosti pojavlenij molodezhnogo jekstremizma [The Essence and Special Aspects of Youth Extremism]. Symbol of Science. 2016. № 9–2. S. 83–88.

16. Jakhjaev M.Ja., Rusidze A.R. Religiozno-politicheskij jekstremizm na Severnom Kavkaze [Religious and Political Extremism in the North Caucasus] // Religiovedenie [Islamic Studies]. 2010. № 2.